

Н.Л.Вершинина

**А.Н.Яхонтов - автор
стихотворной повести
«Горькая ошибка»**

«**12** -го октября 1890 года, на семидесятом году от рождения, скончался в Псковской губернии один из даровитых русских поэтов и переводчиков А.Н.Яхонтов», - так начинается некрологическая статья об Александре Николаевиче Яхонтове в журнале «Русская старина», написанная его редактором. Сам же А.Н.Яхонтов в автобиографии, составленной за год до смерти, вообще не упоминает о своей поэтической деятельности: « <...> действительный статский советник, родился в 1820 г. в С.-Петербурге. Окончил курс учения в императорском Царскосельском лицее в 1838 году, с чином 9-го класса (титулярный советник). Служил в Петербурге по 1851 г. С этого года переселился в г.Псков, где служил сначала по министерству государственных имуществ, потом - директором псковской классической гимназии в продолжение 10 лет. Затем избран предводителем дворянства Псковского уезда, а в 1877 году председателем псковской уездной земской управы. Простужив в этой должности два трехлетия, вновь избран в предводители дворянства Псковского уезда, в каковой должности состоит и поныне. В начале 1889 г. состоялось в г.Пскове празднование 50-ти-летнего юбилея его службы».²

Подобная автобиография известного русского литератора - не только дань определенной традиции, признающей «слова» поэта менее значимыми, чем его «дела». Для А.Н.Яхонтова его служебные обязанности (связанные, преимущественно, с Псковским краем) меньше всего были формальным, вынужденным родом деятельности. Свое непрестанное служение обществу он почитал священным исполнением гражданского долга: будь то дела

Вершинина Наталья Леонидовна - кандидат филологических наук, доцент, ст. научный сотрудник кафедры литературы Псковского пединститута им. С.М.Кирова.

псковского земства или нелегкий литературный труд. И в то и в другое Яхонтов внес посильный вклад, отведя себе место скромного труженика на благо народного просвещения (не случайно его стихи обычно возводят к некрасовской традиции). Именно эту сторону личности Яхонтова отметил М.И.Семевский в некрологе: «В течение своей общественной службы на пользу родному краю наш, по призванию, поэт и переводчик, сохранял <...> добродушие, <...> гуманность <...>, масса земляков искренно уважала этого доброго, этого истинно просвещенного, и опять-таки скажем, вполне гуманного человека».³

В переломные 1860-е гг. (которые застали Яхонтова в Пскове) он предстает противником «людей прежнего закала и иного пошиба», врагом «старых порядков в деле воспитания», откровенно проявляя «дружеские отношения» к учащимся и «сердечность в отношениях к детям».⁴ Не случайно в «Русском биографическом словаре» Яхонтов назван не только «поэтом и переводчиком», но и «одним из малозаметных, но полезных работников в области народного просвещения <...>».⁵ Можно предположить, что заключительное авторское напутствие герою повести «Горькая ошибка» вынесено из собственного многотрудного опыта и является выстраданным убеждением человека и поэта:

А потому — простим
Владимира за горькую ошибку;
Напутственным приветом ободрим
Его, сквозь слезы, робкую улыбку —
И юношу на труд благословим.
Эпилог повести родственен философско-поэтическим финалам «Дворянского гнезда» И.С.Тургенева, «Дуэли» А.П.Чехова. Перед Владимиром — «тихое село»:

Там — честный труд, там праздно не мечтали,
Там жизнь текла обычной чередой <...>

Именно здесь герою предстоит исполнить свое назначение, обрести настоящее счастье в жизни для других, в никогда не иссякающем, деятельном добре. Представление о личном, эгоистическом счастье как цели жизни отвергнуто, признано «горькой», но поправимой ошибкой:

...тщетную гоньбу
За счастьем оставив, сам с собою
Задумал он упорную борьбу.

Ведь счастье дается только с бою
И лишь трудом смиренным и святым.

В 1840-е гг. (когда переводом драмы И.В.Гете «Горквата Тассо» вступает в литературу А.Н.Яхонтов) критерий художественности

становится более гибким и объемным: он устанавливается теперь с учетом литературных достижений в беллетристике и ее особо обозначившейся роли в общекультурном процессе. П.В.Анненков отметил эту роль «в создании общего уметвенного строя современной Европы»⁸. Во многом благодаря критическим статьям В.Г.Белинского, Н.А.Некрасова, А.Н.Островского и других представителей «славной дружины» 40-х гг. определился в своих типологических чертах облик писателя «второго ряда» - как в сильных сторонах, так и в закономерных слабостях. Весь «бесконечный ряд превосходных, примечательных, порядочных и т.д. беллетристических произведений» (Белинский) включается в духовный потенциал жизни общества - с определенным условием: оценке подлежит прежде всего не собственно художественный, а человеческий, духовный, индивидуально-личностный дар. Если «повесть <...> написана живым и легким языком, в ней есть мысли и наблюдательность», она, как утверждалось в «Письмах иногороднего подписчика», содержит «все, что требуется для хорошего беллетристического произведения <...>».

А.Н.Яхонтов как личность в полной мере соответствовал типу «второстепенного писателя» середины столетия в лучшем смысле слова. Его литературная деятельность была шире, чем собственно художественная: ее реальную значимость видели, в первую очередь, в выражении гуманистического начала, просветительской направленности. Литературную же ценность стихотворений Яхонтова всегда выводили, исходя из собственно беллетристических критериев, из соответствующих беллетристике возможностей и целей. С этой точки зрения особенно высоко оценивалась деятельность Яхонтова-переводчика: переводы трагедий Г.Э.Лессинга «Эмилия Галотти» и И.В.Гете «Ифигения в Тавриде», а также ряда стихотворений Гете, Шиллера, Гейне, Мицкевича и других. Об оригинальных произведениях Яхонтова критика писала как о «весьма грациозных», обладающих «задушевностью, мягкостью, искренностью и выразительностью», но, что естественно для «второстепенного поэта», как бы «вторичных» по своей природе: «Лирические стихотворения Яхонтова звучны, красивы, и по тону напоминают поэзию Майкова, гр.Алексея Толстого и особенно Некрасова, мотивы музыки которого он затрагивал всего чаще, усваивая, может быть, помимо воли, себе его приемы и формы, и с такою же, как и он, любовью относясь к низшим слоям народа»⁹.

То, что Яхонтов оказался также и автором стихотворной повести, неудивительно и вполне соответствует его общему литературному типу, лишь подтверждая вышесказанное. Жанровый и стилиевой эклектизм творчества писателя-беллетриста является своеобразным, но полным

эквивалентом внутренней объемности и многосмысленности, принципиальной антидогматичности произведений классического уровня. Имея в виду «беллетристические эфемериды», Белинский точно заметил: «Само искусство не заменит их, как и они не заменят искусства»⁹. Современники не читали «Горькой ошибки», но вполне могли предположить, что жанр повести в стихах не был чужд художественным интересам Яхонтова (три отрывка из «Горькой ошибки» вошли в книгу «Стихотворения Александра Яхонтова», СПб., 1884, с. 89-92; отдельные произведения в этом первом и единственном сборнике поэта напоминают фрагменты лиро-эпического повествования: «Старый дом» и др.)¹⁰.

Л.А.Творогов, специально изучавший наследие А.Н.Яхонтова, опубликовал «Горькую ошибку» в районной газете «Светлый путь» (№№ 81, 86 за 1966 г., №№ 3, 21, 28, 32 за 1967 г.) с подзаголовком «Неизвестная поэма А.Н.Яхонтова», предположительно датировав ее 1856-1858 гг. Однако по всем жанрово-стилевым признакам «Горькую ошибку» целесообразнее считать повестью (тем более так имел овал ее сам поэт). Уже в 1840-е гг. именно стихотворная повесть, а не поэма (как и «рассказы в стихах», «очерки в стихах», «романы в стихах» в духе «Евгения Онегина») стала «привычным и даже любимым чтением в обществе»¹⁰. В этот достаточно широкий массив вошло и сочинение Яхонтова, сочетающее фабульность традиционной «повести» с ориентацией на «свободный роман», который «требует болтовни» (Пушкин); ярко представленное лирическое авторское начало и широкий эпический фон (польский и турецкий походы, Крымская война).

После «Графа Нулина» Пушкина и «Бала» Баратынского «повесть за повестью выходила в свет, и почти ни одна из них не обходилась без огляделки на «Евгения Онегина» <...>¹¹. Произведение Яхонтова не составило исключения: в нем откровенно использованы приемы пушкинского поэтического повествования, литературно узаконенные именно «романом в стихах». Яхонтов (что характерно для беллетриста) строит поэтику своей повести на основе *буквальных* соответствий «Онегину», обильных цитат и реминисценций из него. Эта *буквальность*, однако, не означает стремления воссоздать дух или стиль классического образца: Яхонтов очень свободно, произвольно комбинирует извлеченные из литературного источника компоненты, «вынимая» их из «целого» и словно «присваивая» себе. Как и все беллетристы, он легко прибегает к «поверхностным заимствованиям чужих структур, рассыпающихся вне отнесенности к образцу»¹², потому что ищет в них сугубо личное, не столько художественное, сколько человеческое содержание и только применительно к нему признает их самоценность.

В конце II главы автор замечает (совсем по-пушкински): «Но с той поры едва ль не год умчался, и юности Юныяны не было». А мой рассказ на месте все стоит. Хоть дважды в путь-дорогу подымался. Вперед, вперед! Чтб троичный мой стих, Пожалуй, нас везти не отказался. Но и в III главе действие еще не началось» (упрек, который делали Пушкину друзья, по главам разбиравшие выходящего в свет «Онегина»), а автор «Горькой ошибки» лукаво замечает: «Без пользы мы растягивать не станем. Простую эту повесть <...>»

Повесть уподобляется книге, жизнь - литературе (это также пушкинский прием); и там и здесь автор «перечитывает» отдельные, особенно дорогие ему страницы. Внутреннее единство повести создается не столько сюжетом (нередко словно замирающим, «пунктирным»), сколько духовной цельностью личности автора-повествователя, его освещением внешне «бессвязно» текущего рассказа. Кроме того, «свобода» повествования ограничена четкой строфической организацией: **целными** строфами, состоящими из классических терцин.

Узнавая «пушкинские» образы, читатель, тем не менее, погружается в собственный, неповторимо-интимный мир автора «Горькой ошибки», переживая вместе с ним и сочувствуя ему. Нельзя не отметить мастерство поэта в изображении психологических состояний героев и тенденцию к неоднозначной, емкой характеристике их поступков и свойств, их отношения к ударам «судьбы» и собственным, так сказать, «добровольно» совершенным «ошибкам».

«Ошибка» - это не только типичное название русской повести 1840-50-х гг. (ср. аналогичные названия повестей А.Д. Галахова и Е. Тур), но и характерная для литературы раннего реализма формула объяснения действительности, уже освобождающаяся от риторической условности и стремящаяся объять непредсказуемые проявления подлинной жизни. «Ошибка» - это не анекдотическое происшествие, не новеллистический парадокс. «Ошибка» - концентрическое выражение неизменно возникающих, глубинных, перекрещивающихся, но не образующих гармонии жизненных интенций: идеалов и действительности, частной жизни и истории, силы любви и власти обстоятельств, норм воспитания и «голоса сердца», сердечного «идеализма» и фальшивой, «ходульной» «идеальности».

Примечателен, но не оригинален и подзаголовок «Горькой ошибки» -

«Случай»¹³. Это тот самый «случай», в связи с которым Л.Н.Толстой скажет в позднем рассказе «После бала»: «Вот вы говорите, что человек не может сам по себе понять, что хорошо, что дурно, что все дело в среде, что среда заедает. А я думаю, что все дело в случае».

Герой повести Яхонтова Владимир Павлыч - «идеалист-поэт», подобие Владимира Ленского. Однако в постромантическую эпоху, когда идеалисты «перевелись давно», его «вид» - «скромный», у него «примет особых нет»¹⁴. Улавливается внутренний контур классического образа:

...взгляд,немного томный.

Певучие стихи он помещал

В журнал достопочтенный, многотомный;

Была свобода - светлый идеал

Гражданского его мировоззренья

И красоту он обоготворял,

Как высший смысл природы и творенья.

Автор придерживается тона легкой, доброй иронии в изображении, очевидно, близкого ему «юноши-поэта», нигде не доходя до пародийного утрирования типа «идеальных юношей», столь характерного для критики 1840-х гг. (статьи Белинского, Некрасова и др.). Вместе с тем прекраснодушие Владимира Павлыча признается глубокой жизненной «ошибкой», которую ему надлежит исправить собственными силами - в пору духовной зрелости, новой мудрости, постижения органически-нравственных, «природных» начал в самом себе.

Идеальная любовь Владимира к Ольге, любящей другого, - это любовь, игнорирующая обстоятельства, отвергающая очевидность. В ней много идеализма, столь же искреннего, сколь и надуманного. «Излечение» от него происходит путем тяжелых уроков:

...вы рассудить должны,

Что основать на первом впечатленьи

Упорную за счастьем гоньбу -

Ребячество! Имеете ль вы право

На карту ставить так легко судьбу

Обоих вас?.. Ведь это - не забава!

В то же время, действительное несчастье Ольги, расстроившее ее свадьбу, заставляет Владимира Павлыча забыть о личных горестях и оскорбленном самолюбии: его «идеализм» оборачивается способностью к беззаветному самопожертвованию, истинному состраданию, уже не

обусловленному в своих истоках невольным тождеством с «амплуа» романтического героя, избранной личности.

Когда современный исследователь пишет, что основное различие между беллетристикой и классикой состоит в том, что первая характеризуется «самоограничением, отказом от устремлений к бесконечному», а вторая тяготеет за пределы «фактической реальности» и «ее законов» - к «последним» сущностям общества, истории, человека, вселенной¹⁵, он прав лишь до некоторой степени. По-своему беллетристика также «прорывается» к извечным «сущностям», пусть на метафизическом уровне, в пределах готовых схем, нравственных и эстетических концептуальных построений. Так, ни одно из положений жизни уже не предстает у Яхонтова как навсегда уясненное и безусловно решенное - поэтому оно не предопределяет и художественной завершенности, «каменной правды», по выражению М.М.Бахтина. Диалектически неоднозначными оказываются проведенные через жизнь стереотипы, спроецированные на классику, но уже не от нее, а из самой жизни получившие новое содержание, подвижность и гибкость. То, о чем говорил А.Н.Островский по поводу «Ошибки» Е.Тур, оказывается справедливым и в отношении «Горькой ошибки» Яхонтова: «<...> публика ждет от искусства <...> соединения в *полные* образы подмеченных у века современных пороков и недостатков <...> И искусство дает публике такие образы и этим самым поддерживает в ней отвращение от всего резко *определившегося*, не позволяет ей воротиться к старым, уже осужденным формам, а заставляет искать лучших, одним словом, заставляет быть нравственнее»¹⁶.

В заключение хочется выразить благодарность сотрудникам Отдела рукописных и редких книг Псковского музея-заповедника за предоставление рукописи повести А.Н.Яхонтова «Горькая ошибка» и материалов о поэте. Очень возможно, что забытое произведение Яхонтова найдет своего читателя среди наших современников, потому что к ним вполне применимы слова поэта, обращенные в далекое будущее:

Здесь юноша, ступая первый шаг,

Пример себе в предании находит.

Примечания

1. Русская старина. - 1890. - № 12. - С.691.

2. Там же. - С.693.

3. Там же. - С.692.

4. Там же.
5. Русский биографический словарь. - Т.25. - СПб., 1913. - С.203.
6. *Аниенков П.В.* Литературные воспоминания. - М., 1989. - С.258.
7. Современник. - 1849. - Т.ХVII, 2. - С.316.
8. Русский биографический словарь. - С.205-206.
9. *Белинский В.Г.* Полн. собр. соч.: В 13 т. - М., 1953-1959. - Т.9. - С.161.
10. *Афанасьев В.* «Без романтических затей...»: Русская стихотворная повесть первой половины XIX в. // Русская стихотворная повесть первой половины XIX в. Антология. - 1986. - С.13.
11. Там же. - С.17.
12. *Чумаков Ю.Н.* «Евгений Онегин» и стихотворная беллетристика 1830-х годов // Болдинские чтения. - Горький, 1985. - С.113.
13. Ср. полное название повести А.Д.Галахова: «Ошибка (Случай, или пролог повести)» // Отечественные записки. - 1846. - Т.48. - № 9. - Отд. «Смесь». - С.14-31.
14. Ср. рассуждение Н.А.Полевого: «Наш век кажется веком бессильных страстей внутри, без резких отличий извне. Он весь одет однообразно, причесан, подвязан, ходит и говорит однообразно. <...> Но тем глубже и пестрее внутреннее образование нашего века. Никогда не являлся человек столь знающим, столь страстным, столь высоким, как является он ныне» (*Полевой Н.* Избр. произведения и письма. - Л., 1986. - С.183).
15. *Маркович В.М.* О трансформациях «натуральной» новеллы и двух «реализмах» в русской литературе XIX века // Русская новелла: Проблемы теории и истории. Сб. статей. - СПб., 1993. - С.131.
16. *Островский А.Н.* О литературе и театре. - М., 1986. - С.28. [Курсив мой - Н.В.].

А.Н.Яхонтов

Горькая ошибка

Случай

1

Съезжались гости... это было летом,
 На севере, на берегу морском;
 В гостиной пахло розовым букетом,